

РОЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОПЫТА В РАСПОЗНАВАНИИ ЛЖИ (НА ПРИМЕРЕ СОТРУДНИКОВ СПЕЦСЛУЖБ)

О.А. ГУЛЕВИЧ, А.В. СТУКАЛИНА

Эффективность социальной коммуникации во многом зависит от того, насколько хорошо ее участники отличают ложные сообщения от правдивых. Особенно большое значение навык распознавания лжи имеет для специалистов, чья профессиональная деятельность предполагает общение с другими людьми и контроль за их действиями, – профессиональных управленцев, сотрудников правоохранительных органов, судей. Первоначальные знания о признаках, отличающих лживое сообщение от правдивого, они получают еще в ходе обучения. Однако вследствии они приобретают дополнительный опыт в этой области. Возникает вопрос: насколько этот опыт помогает им в распознавании лжи и за счет чего это происходит. Для изучения этого вопроса нами было проведено исследование с участием курсантов Академии ФСБ ($N=30$) и сотрудников спецслужб, имеющих опыт профессиональной деятельности ($N=30$). Они смотрели десять видеозаписей, оценивали их правдивость и указывали признаки, на которые ориентировались при вынесении суждения. Результаты исследования показали, что опытные сотрудники спецслужб лучше распознают как лживые, так и правдивые рассказы. Это происходит благодаря тому, что они точнее интерпретируют вербальное и невербальное поведение рассказчика и используют большее количество показателей.

Ключевые слова: неверbalная коммуникация, распознавание лжи, сотрудники спецслужб..

Умение распознавать ложь является одним из основных коммуникативных навыков. Особенno большое значение оно имеет для специалистов, чья профессиональная деятельность предполагает общение с другими людьми и контроль за их действиями, – профессиональных управленцев, сотрудников правоохранительных органов, судей. Это в полной мере относится и к сотрудникам спецслужб, которые по роду своей деятельности достаточно часто сталкиваются с необходимостью различия правды и лжи.

Однако профессиональная деятельность не только предъявляет к специалисту определенные требования, но и дает ему возможности для развития. В частности, работа в рамках спецслужб позволяет человеку получить дополнительную информацию, с помощью которой он может про-

верить свои умозаключения о правдивости или лживости рассказа, а также обеспечивает постоянную тренировку этого навыка.

Возникают вопросы: каким образом сотрудники спецслужб реализуют эти возможности, насколько точными являются их заключения о правдивости/ложности информации и за счет чего происходит совершенствование этого навыка? Ниже мы рассмотрим степень и возможные направления воздействия работы в спецслужбах на точность суждений о правдивости/ложности сообщения.

Основные индикаторы лжи. Психологические исследования, ведущиеся на протяжении последних 30 лет, показывают, что, произнося ложные высказывания, люди ведут себя иначе, чем при трансляции правдивых сообщений. Эти различия порождаются тремя основными причина-

ми: эмоциональным возбуждением лжеца, высокой когнитивной нагрузкой и необходимостью контролировать свое поведение. При передаче ложного сообщения люди испытывают страх перед разоблачением, в ходе рассказа придумывают новую историю или заменяют подлинные детали вымыщленными; одновременно они вынуждены контролировать свое поведение, чтобы ничем не выдать своего состояния и не рассказать о подлинных событиях [12]. Как следствие, индикатором лжи является совокупность показателей, которые говорят об эмоциональном возбуждении, трудности в составлении рассказа и повышенном контроле за своим поведением. К таким индикаторам относятся некоторые особенности рассказа и невербально-го поведения говорящего.

Среди невербальных характеристик важное положение занимают аудиальные индикаторы: скорость речи, наличие и длина пауз, количество речевых ошибок, высота голоса [1]. Так, люди, передающие ложные сообщения, говорят быстрее, чем люди, рассказывающие правду, но делают большие паузы между высказываниями, дольше ждут перед тем, как начать отвечать на вопрос, допускают больше речевых ошибок и запинок, чаще повышают высоту голоса [2], [5]–[7], [9], [11], [13]. К числу наиболее важных показателей, наличие которых можно зафиксировать визуально, относятся частота жестикуляции и движений тела. Вопреки стереотипам, лгущие люди ведут себя более скованно, меньше жестикулируют, реже двигают телом и ногами [2], [7], [9], [12], [13]. В то же время хорошо заметные изменения в выражении лица (например, улыбка, контакт глаз) не играют существенной роли [13].

Помимо невербальных показателей к числу признаков, отличающих ложные рассказы от правдивых, относятся характеристики истории. Исследования показывают, что ложные истории менее правдоподобны и логичны. При описании

ложных событий люди произносят меньше слов и делают больше повторений, реже упоминают визуальные, слуховые и пространственные детали, меньше ссылаются на место и время события, реже описывают конкретные эпизоды взаимодействия и реже дословно пересказывают беседы между участниками. Отвечая на вопросы, они дают менее четкие, более краткие и уклончивые ответы. И наконец, они реже указывают на свое эмоциональное состояние или когнитивные операции («я подумал», «я решил», «я волновался» и т.д.) [2], [4], [7], [11]–[14].

В настоящее время результаты проведенных исследований не дают четкого ответа на вопрос о том, какие показатели можно считать более надежными. По одним данным, к более точным суждениям приводит анализ неверbalного поведения партнера ([5], [10]), а по другим – вербального [11]–[14].

Точность распознавания лжи «новичками» и «экспертами». Несмотря на наличие целого ряда показателей, исследования демонстрируют, что люди достаточно плохо различают правду и ложь. В частности, «новички», которые не прошли специальной подготовки в этой области, делают правильные заключения лишь в 54% случаев, лучше распознавая правду (61%) по сравнению с ложью (47%) [1]. Почему это происходит? К настоящему времени выделено несколько основных причин, по которым люди испытывают сложности при определении правды и лжи. Они кроются в особенностях реципиента: его отношении ко лжи и умении выделять признаки, говорящие о правдивости или лживости рассказа.

Во-первых, некоторые исследователи полагают, что многие люди не ставят себе задачу отделить правдивые высказывания от ложных. Это происходит оттого, что они либо верят в изначальную правдивость окружающих, либо не хотят совершать социально нежелательные поступки, к числу

которых относится публичность партнера во лжи [10].

Во-вторых, люди не ставят себе, чем рассчитывает правдивого человека от лжи и поведения лжеца, и, кроме того, пользуются при опознании лжи индикаторы лжи. Эти ощущения трямя основными способами переоценивают значение либо невербального поведения, они используют недостатки индикаторов. И наконец, опираются на неверные показатели, легко поддаются сознательно, например, переоценивают аудиальных индикаторов – склонность к движений тела и недостаточность аудиальных [10], [13].

Однако, на наш взгляд, существует одна причина неточного распознавания лжи, связанная с неправильной трактовкой поведения коммуниканта в том, что все показатели имеют якобы одинаковый характер. В то же время, как и правдивый рассказчик, упоминает в своем рассказе правду, но делает это реже. Примечательно, что одного и того же человека может отличать от ситуации общения, в том числе и страх перед разоблачением, влияние на способность распознавания лжи. Третий фактор – это способность адаптировать их к партнеру в диалоге [2]–[4]. Следование описанного выше мнению, полагает, что у распознавания лжи есть определенный «критерий сравнения», он соотносит действия рассказчика с его выступлением как правдивым или лживым, быстрым или медленным и т.д. Такого критерия затруднительно определить, так как правды и лжи.

Мы полагаем, что введение такого критерия ослабевает позицию человека профессионального

которых относится публичное обвинение партнера во лжи [10].

Во-вторых, люди неправильно представляют себе, чем рассказ и поведение правдивого человека отличаются от речи и поведения лжеца, и, как следствие, используют при опознании неправильные индикаторы лжи. Эти ошибки проявляются тремя основными способами. Так, люди переоценивают значение либо верbalного, либо неверbalного поведения. Кроме того, они используют недостаточное количество индикаторов. И наконец, они ориентируются на неверные показатели, которые легко поддаются сознательному контролю: например, переоценивают важность визуальных индикаторов – контакта глаз, улыбок и движений тела и недооценивают важность аудиальных [10], [13].

Однако, на наш взгляд, существует еще одна причина неточного распознавания лжи, связанная с неправильной интерпретацией поведения коммуникатора. Дело в том, что все показатели лжи носят вероятностный характер. В частности, лжец, так же как и правдивый коммуникатор, упоминает в своем рассказе отдельные детали, но делает это реже. При этом поведение одного и того же человека во многом зависит от ситуации общения, порождающей страх перед разоблачением и оказывающей влияние на способность рассказчика контролировать свои действия [12], в том числе адаптировать их к партнеру, вступив с ним в диалог [2]–[4]. Следовательно, использование описанных выше признаков предполагает, что у распознавающего есть своеобразный «критерий сравнения», с которым он соотносит действия рассказчика, рассматривая его выступление как детализированное или недетализированное, темп речи как быстрый или медленный и т.д. Отсутствие такого критерия затрудняет разделение правды и лжи.

Мы полагаем, что воздействие этих причин ослабевает по мере накопления человеком профессионального опыта, свя-

занного с расследованием правонарушений. В частности, сотрудники спецслужб, имеющие опыт профессиональной деятельности («эксперты»), точнее распознают правдивые и ложные сообщения, чем люди, не обладающие таким опытом («новички») (гипотеза 1).

Почему это происходит? Во-первых, сотрудники спецслужб заинтересованы в выявлении правды и лжи, и в первую очередь, в опознании ложных сообщений. Подозрение и обвинение во лжи является необходимой составляющей профессиональной деятельности. Таким образом, можно предположить, что сотрудники спецслужб более подозрительны, чем люди, не имеющие такого профессионального опыта (гипотеза 2). В частности, опытные сотрудники спецслужб чаще считают рассказы других людей лживыми, а люди, не имеющие подобного опыта, – правдивыми (гипотеза 2а). Кроме того, опытные сотрудники лучше распознают ложные сообщения, чем правдивые, тогда как люди без опыта демонстрируют противоположную тенденцию (гипотеза 2б).

Во-вторых, опыт работы может накладывать отпечаток на представление о верbalных и неверbalных индикаторах. В процессе обучения будущие сотрудники спецслужб усваивают различные представления о показателях правды и лжи, которые описываются в популярных книгах и вызывают серьезные сомнения. В ходе дальнейшей профессиональной деятельности они уточняют свои представления. Это происходит благодаря наличию обратной связи о точности вынесенных суждений. Хотя, по мнению некоторых исследователей, обратная связь может закрепить существующие у человека неправильные представления об индикаторах лжи, в целом ряде случаев она оказывает позитивное воздействие на точность суждений [7]. В пользу наличия подобной связи говорят результаты исследований, проведенных с участием преступников, которые об-

ладают более точными представлениями об индикаторах лжи, более заинтересованы в обратной связи и чаще получают ее, чем законопослушные граждане [7], [8].

В процессе работы сотрудники спецслужб имеют возможность сравнивать рассказы разных людей и сопоставлять их с другими доказательствами, делая выводы о точности своих суждений. Благодаря такой обратной связи опытные работники модифицируют свое представление об индикаторах. Следовательно, можно предположить, что сотрудники спецслужб, обладающие опытом профессиональной деятельности, имеют более точное представление о показателях правды и лжи, чем люди, у которых такого опыта нет (гипотеза 3). В частности, они используют большее количество индикаторов правды и лжи (гипотеза 3а); чаще ориентируются на аудиальные и вербальные и реже – на визуальные показатели, чем «новички» (гипотеза 3б); обладают более точным представлением о критериях различия между правдивым и ложным сообщениями, чем «новички» (гипотеза 3в).

И наконец, работа в спецслужбах позволяет людям получить опыт распознавания лжи, необходимый для формирования «критерия сравнения», с помощью которого они оценивают частоту проявления различных вербальных и невербальных признаков. Следовательно, опытные сотрудники спецслужб, наблюдая за людьми, рассказывающими правдивые и ложные истории, точнее интерпретируют верbalное и аудиальное поведение рассказчика (гипотеза 4). Они чаще оценивают правдивые рассказы как имеющие определенный сюжет, логичные, правдоподобные и детализированные; чаще воспринимают темп речи как средний, высоту голоса как постоянную, говорят об отсутствии запинок и относительно коротких паузах. Для проверки поставленных гипотез нами было проведено эмпирическое исследование.

ВЫБОРКА И ПРОЦЕДУРА ИССЛЕДОВАНИЯ

Выборка. В исследовании приняли участие опытные сотрудники спецслужбы (30 человек, мужчины, возраст 30–49 лет), выступавшие в качестве «экспертов», и курсанты Академии ФСБ (30 человек, мужчины, возраст 18–19 лет) («новички»). Сравнение опытных сотрудников с курсантами позволило проконтролировать факторы профессиональной принадлежности и знаний, полученных в ходе обучения.

Процедура исследования. В ходе эксперимента были использованы десять видеозаписей с рассказами пяти молодых людей, имеющих опыт выступления перед камерой. Эти люди были профессиональными танцорами, которые комфортно чувствовали себя во время съемки и, следовательно, спокойно относились к процессу видеозаписи. Каждый из них рассказывал две истории – одну правдивую и одну ложную, сюжет которых придумывал сам. По условиям исследования ложные истории были выдуманы от начала до конца. Всех выступающих просили говорить таким образом, чтобы вызвать доверие аудитории. На видеозаписи была видна голова и верхняя часть туловища выступающего.

В самом начале респондентам сообщалось, что целью исследования является изучение того, как люди отличают ложь от правды, затем им давалась гарантия анонимности. В ходе эксперимента видеозаписи предъявлялись респондентам с помощью проектора. После просмотра каждой из них курсантов и опытных работников просили определить, правдивую или ложную историю рассказывал коммуникатор, а также описать, на какие признаки они ориентировались при вынесении суждения. Таким образом, каждый участник смотрел все десять видеозаписей.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Точность распознавания правды и лжи. В соответствии с гипотезой 1 предпо-

лагалось, что сотрудники, имеющие опыт профессиональной деятельности, точнее разыгрывают и ложные сообщения Академии. При проверке для каждого участника количество правильно оцененных результатов с метрического критерия показало, что опытные сотрудники выносили более точные оценки курсанты ($M_{\text{сотрудники}} = 6,2, U = 154, p \leq 001$). Это разница при оценке как правдивых курсанты ($M_{\text{курсанты}} = 2,67, U = 201, p \leq 001$), так и ложных рассказов ($M_{\text{сотрудники}} = 240, U = 240, p \leq 001$). Эти результаты подтверждают гипотезу 1.

Подозрительность правдивости и лжи. В соответствии с гипотезой 2 предполагалось, что опытные сотрудники будут более подозрительны к курсантам ФСБ. В частности, они должны воспринимать рассказы ложные, чем как правдивые, познавать ложь по сравнению с правдивостью. В то же время курсанты должны воспринимать противоположные тенденции.

Для проверки гипотезы 2 былочислено количество и точность, с которой опытные сотрудники специальных служб расценивали как правдивые истории. Результаты сравнения с аналогичными показателями в работе Сандрия Виллоксона показали, что курсанты Академии ФСБ чаще воспринимали рассказы ложные, чем как правдивые, чем как ложные. Для проверки гипотезы 2 было установлено, что курсанты Академии ФСБ эту тенденцию в меньшей степени воспринимали как правдивые, чем как ложные.

Эти результаты противоречат гипотезе 2. Для проверки гипотезы 3 было установлено, что точность распознавания правдивости сообщений курсантами ФСБ. Результаты показали, что опытные сотрудники

ДУРА ИССЛЕДОВАНИЯ

исследовании приняли участие 15 сотрудники спецслужбы ФСБ, возраст 30–49 лет), в качестве «экспертов», курсанты Академии ФСБ (30 человек, возраст 18–19 лет) («новички»). Сотрудников с курсантами контролировали фактической принадлежности их в ходе обучения.

Методика исследования. В ходе эксперимента использованы десять видеозаписей пяти молодых людей, упления перед камерой. Профессиональными танцорами ощущали себя спокойно, чувствовали себя предсказуемо, спокойно и естественно на записи видеозаписи. Каждый участник давал две истории — одну правдивую, сюжет которых соответствовал условиям исследования, и вторую выдуманную от начала до конца. Участники, участвующие в исследовании, просили говорить, чтобы вызвать доверие к записи, когда запись была видна голове участника, выступающего. Респондентам сообщалось, что в исследовании участвуют люди, которые отличают ложь от правды, им давалась гарантия того, что в ходе эксперимента они не будут распознаны респондентом. После просмотра записей курсантами и опытными сотрудниками было определено, какую историю рассказывал участник, на какие истории реагировались при вынесении ими оценки, каждый участник давал десять видеозаписей.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Распознавания правды и лжи. Гипотезой 1 предполагалось,

что сотрудники спецслужб, имеющие опыт профессиональной деятельности, точнее распознают правдивые и ложные сообщения, чем курсанты Академии. При проверке этой гипотезы для каждого участника было вычислено количество правильно распознанных им правдивых и ложных историй. Анализ полученных результатов с помощью непараметрического критерия Манна–Уитни показал, что опытные сотрудники спецслужб выносили более точные суждения, чем курсанты ($M_{\text{сотрудники}} = 6,97$, $M_{\text{курсанты}} = 4,87$, $U = 154$, $p \leq 0,01$). Это различие проявилось при оценке как правдивых ($M_{\text{сотрудники}} = 3,87$, $M_{\text{курсанты}} = 2,67$, $U = 201$, $p \leq 0,01$), так и ложных рассказов ($M_{\text{сотрудники}} = 3,1$, $M_{\text{курсанты}} = 2,2$, $U = 240$, $p \leq 0,01$). Эти результаты подтверждают гипотезу 1.

Подозрительность при опознании правды и лжи. В соответствии с гипотезой 2 оказалось, что опытные сотрудники спецслужб будут более подозрительными, чем курсанты Академии ФСБ. В частности, они будут чаще воспринимать рассказы окружающих как ложные, чем как правдивые, и лучше распознавать ложь по сравнению с правдой. В то же время курсанты будут демонстрировать противоположные тенденции.

Для проверки гипотезы 2а было вычислено количество историй, которые опытные сотрудники спецслужб и курсанты считали правдивыми и ложными. Результаты сравнения с помощью критерия Вилкоксона показали, что «эксперты» чаще воспринимали рассказы танцоров как правдивые, чем как ложные ($M_{\text{правда}} = 5,73$, $M_{\text{ложь}} = 4,27$, $W = -2,982$, $p \leq 0,01$). Курсанты Академии ФСБ демонстрировали эту тенденцию в меньшей степени ($M_{\text{правда}} = 5,43$, $M_{\text{ложь}} = 4,57$, $W = -1,962$, $p \leq 0,05$). Эти результаты противоречат гипотезе 2а. Для проверки гипотезы 2б мы сравнили точность распознавания правдивых и ложных сообщений курсантами и опытными сотрудниками ФСБ. Результаты показали, что опытные сотрудники ФСБ распознава-

ли правду точнее, чем ложь ($M_{\text{правда}} = 3,87$, $M_{\text{ложь}} = 3,1$, $W = -3,01$, $p \leq 0,01$). Курсанты продемонстрировали аналогичную тенденцию в меньшей степени ($M_{\text{правда}} = 2,67$, $M_{\text{ложь}} = 2,2$, $W = -2,05$, $p \leq 0,05$). Эти результаты также противоречат гипотезе 2б. В целом, полученные результаты говорят о большей подозрительности «новичков» и таким образом опровергают гипотезу 2.

Признаки, использующиеся при определении правды и лжи. В соответствии с гипотезой 3 мы предположили, что опытные сотрудники спецслужб имеют более точное представление об индикаторах правды и лжи, чем курсанты Академии. Для проверки этой гипотезы был проведен контент-анализ признаков, названных респондентами в качестве показателей правды и лжи (табл. 1).

В целом, участники выделили четыре вербальных (сюжет, логичность, правдоподобие, детализированность рассказа), два аудиальных (высота голоса, темп речи), три визуальных (контакт глаз, жестикulation, позы) и два интегральных (уверенность, эмоциональность) индикатора. Каждый из них упоминался в двух вариантах: например, детализированный и недетализированный рассказ, спокойный или быстрый темп речи и т. д.

Для определения того, что именно участники считали признаками правды и лжи, была подсчитана частота упоминаний каждого показателя при обосновании суждения о правдивости и ложности сообщения. В данном случае вычислялось, сколько раз респондент упомянул данный признак в качестве показателя правды/ложи, после чего полученное значение делилось на количество историй, которые он посчитал правдивыми/ложными.

Результаты исследования показали, что, указывая на правдивость сообщения, респонденты чаще ссылались на наличие в истории определенного сюжета ($U = 143,5$, $p \leq 0,000$) и его логичность ($U = 300$, $p \leq 0,000$), детализированность

($U = 361, p \leq 0,000$) и правдоподобие ($U = 1020, p \leq 0,000$), чем на отсутствие сюжета, нелогичность, отсутствие деталей и неправдоподобие. Среди невербальных показателей они чаще выделяли наличие визуального контакта и стабильность положения глаз ($U = 72, p \leq 0,000$), жестикуляции, соответствующей вербальному сообщению ($U = 9, p \leq 0,000$), расслабленную позу ($U = 1170, p \leq 0,000$), постоянную высоту голоса ($U = 234,5, p \leq 0,000$), мед-

ленный или средний темп речи ($U = 558,5, p \leq 0,000$), чем противоположные характеристики. И наконец, в качестве интегральных характеристик правдивости коммуникатора чаще отмечались спокойствие говорящего ($U = 183, p \leq 0,000$) и слабо выраженные эмоции ($U = 237, p \leq 0,000$), чем тревога и повышенная эмоциональность.

В то же время, отмечая ложность сообщения, респонденты чаще указывали на отсутствие в рассказе определенного

Таблица 1

Признаки правды и лжи, выделенные участниками

Признаки	Используются чаще всего как	
	показатели правды (П)	показатели лжи (Л)
Вербальные		
1. Сюжет рассказа	В истории описывается развитие событий	В истории не описывается развитие событий
2. Логичность рассказа	Повествование развивается логично, соблюдается временная последовательность отдельных эпизодов	Повествование развивается нелогично, различные эпизоды расположены хаотично
3. Правдоподобие истории	Содержание истории соответствует опыту респондента	Содержание истории не соответствует опыту респондента
4. Детализированность рассказа	Наличие в рассказе конкретных деталей	Отсутствие в рассказе конкретных деталей
Аудиальные		
5. Высота голоса	Постоянная высота голоса	Резкое изменение высоты голоса (высокий/низкий)
6. Темп речи	Медленный или средний темп речи	Быстрый темп речи
Визуальные		
7. Контакт глаз	Взгляд направлен в камеру или немного в сторону от нее, направление взгляда меняется редко	Направление взгляда постоянно меняется (глаза «бегают»)
8. Жестикуляция	Жестикуляция иллюстрирует вербальное сообщение, соответствует его содержанию и интенсивности	Жестикуляция не соответствует содержанию вербального сообщения или сильно преувеличена
9. Поза	Расслабленная поза	Скованная поза
Интегральные		
10. Уверенность в себе	Спокоен, уверен в себе	Стесняется, не уверен в себе
11. Эмоциональность	Слабо выраженные эмоции	Сильно выраженные эмоции

сюжета ($U = 314,5, p \leq 0,000$), гличность ($U = 377,5, p \leq 0,000$), отсутствие конкретных деталей ($U = 932,5, p \leq 0,000$) и несоответствие знакам ($U = 237, p \leq 0,000$); отсутствие визуальных признаков ($U = 63, p \leq 0,000$), сильную или не соответствующую сообщению жестикуляцию ($U = 183, p \leq 0,000$), резкое изменение высоты голоса ($U = 158,5, p \leq 0,000$), быстрая поза ($U = 300, p \leq 0,000$) (не выраженные эмоции), неуверенность говорящего ($U = 137, p \leq 0,000$), сильные эмоции ($U = 283,5, p \leq 0,000$). Исключение было сделано для «скованной позы», которая с высокой достоверностью ($p \leq 0,000$) упоминалась как показатель ложности.

Таким образом, результаты анализа показали, что, с высокой достоверностью и ложность сообщения опираются как на аудиальные и вербальные надежные визуальные признаки.

Частота встречаемости в суждениях

Признаки
Сюжет рассказа
Логичность рассказа
Правдоподобие истории
Детализированность рассказа
Контакт глаз
Жестикуляция
Позы
Высота голоса
Темп речи
Эмоциональность
Уверенность в себе

темп речи ($U = 558,5$, $p \leq 0,000$), вспомогательные характеристики в качестве интегральных правдивости коммуникации спокойствие ($U = 237, p \leq 0,000$) и слабо выраженная эмоциональность. При этом, отмечая ложность сообщения, участники чаще указывали в рассказе определенного

Таблица 1

ак
затели лжи (Л)
ии не описывается
итие событий
ование развивается
о, различные эпизоды
ложены хаотично
жение истории не
ует опыту респондента
те в рассказе конкретных деталей
енение высоты голоса
(сокий/низкий)
трый темп речи
ение взгляда постоянно
ся (глаза «бегают»)
ияция не соответствует
анию вербального
чения или сильно
реувеличена
кованная поза
тся, не уверен в себе
выраженные эмоции

сюжета ($U = 314,5$, $p \leq 0,000$) и его нелогичность ($U = 377,5$, $p \leq 0,000$), отсутствие конкретных деталей ($U = 719$, $p \leq 0,000$) и несоответствие личному опыту ($U = 932,5$, $p \leq 0,000$) (вербальные признаки); отсутствие визуального контакта ($U = 63$, $p \leq 0,000$), сильно преувеличенную или не соответствующую вербальному сообщению жестикуляцию ($U = 390$, $p \leq 0,000$), резкое изменение высоты голоса ($U = 158,5$, $p \leq 0,000$), быстрый темп речи ($U = 300$, $p \leq 0,000$) (невербальные признаки), неуверенность говорящего в себе ($U = 137$, $p \leq 0,000$), сильно выраженные эмоции ($U = 283,5$, $p \leq 0,000$) (интегральные показатели). Исключением явилась «скованная поза», которая одинаково редко упоминалась как показатель правды и лжи.

Таким образом, результаты контент-анализа показали, что, определяя правдивость и ложность сообщения, респонденты опираются как на более надежные аудиальные и вербальные, так и на менее надежные визуальные признаки.

В соответствии с гипотезой За предполагалось, что опытные сотрудники спецслужб используют большее количество индикаторов правды и лжи, чем курсанты. При ее проверке мы сравнили среднее количество индикаторов, упомянутое каждым респондентом при обосновании своего суждения о правдивости или ложности рассказа. Результаты показали, что, объясняя свою позицию, опытные сотрудники спецслужб учитывали большее количество показателей, чем курсанты ($M_{\text{сотрудники}} = 4,06$, $M_{\text{курсанты}} = 3,77$, $U = 260,5$, $p \leq 0,01$). Эти результаты подтверждают гипотезу За.

В соответствии с гипотезой Зб ожидалось, что сотрудники спецслужб чаще ориентируются на аудиальные и вербальные и реже – на визуальные показатели, чем курсанты. Для ее проверки мы сравнили частоту ссылок опытных сотрудников и курсантов на различные индикаторы верbalного и невербального поведения

Таблица 2

Частота встречаемости вербальных и невербальных признаков в суждениях сотрудников спецслужб и курсантов

Признаки	Сотрудники спецслужб	Курсанты Академии
Вербальные признаки		
Сюжет рассказа	0,41	0,42
Логичность рассказа	0,32	0,35
Правдоподобие истории	0,33	3,0
Детализированность рассказа	0,32	0,23
Невербальные признаки		
Контакт глаз	0,64	0,69
Жестикуляция	0,48	0,45
Позы	0,13	0,05
Высота голоса	0,48	0,45
Темп речи	0,32	0,27
Интегральные признаки		
Эмоциональность	0,46	0,39
Уверенность в себе	0,53	0,46

при вынесении суждений о правдивости/ложности сообщения (табл. 2).

Результаты показали, что как работающие сотрудники, так и курсанты чаще ссылаются на визуальные индикаторы и интегральные характеристики, характеризующие состояние человека, чем на аудиальные и вербальные показатели. Дальнейшее сравнение продемонстрировало отсутствие статистически значимых различий между ними. Эти результаты противоречат гипотезе 3б.

В соответствии с гипотезой 3в предполагалось, что опытные сотрудники обладают более точным представлением о критериях различия между правдивыми и ложными сообщениями, чем «новички». Для ее проверки мы проанализировали, как часто опытные сотрудники и курсанты, поясняя свое суждение, ссылаются на надежные и ненадежные признаки. В качестве надежных индикаторов правдивого сообщения рассматривались показатели П 1–6, а ложного Л 1–6 (табл. 1). В то же время в качестве ненадежных показателей рассматривались признаки П 7–11 и Л 7–11 (табл. 1).

Результаты исследования показали, что, признавая рассказ правдивым, опытные сотрудники чаще, чем курсанты, ссылались на невербальные (соответствие жестикуляции содержанию рассказа, $U = 220,5, p \leq 0,001$) и интегральные (уверенность коммуникатора, $U = 291,5, p \leq 0,05$), а курсанты – на вербальные показатели (логичность сюжета, $U = 254,5, p \leq 0,01$, и его правдоподобие, $U = 315, p \leq 0,05$). В то же время при обосновании ложности рассказа опытные сотрудники ФСБ чаще, чем курсанты, ссылались на отсутствие логики ($U = 294, p \leq 0,05$). Эти результаты противоречат гипотезе 3в.

Интерпретация поведения рассказчика. В соответствии с гипотезой 4 мы ожидали, что сотрудники спецслужб будут точнее интерпретировать поведение рассказчика, чем курсанты. Другими словами, они

чаще будут «видеть» в сообщениях наличие соответствующих надежных и реже – ненадежных показателей. Надежность индикаторов оценивалась по результатам предыдущих исследований. К числу надежных признаков были отнесены вербальные и аудиальные показатели (табл. 1, категории 1–6), а ненадежных – визуальные и интегральные (категории 7–11).

Для проверки этой гипотезы мы сравнили частоту указания «экспертами» и «новичками» на наличие различных вербальных и невербальных признаков в рассказах, которые действительно были правдивыми или ложными. Результаты сравнения показали, что опытные сотрудники ФСБ чаще, чем курсанты, воспринимали правдивые рассказы как детализированные ($U = 233, p \leq 0,000$) и имеющие определенный сюжет ($U = 315,5, p \leq 0,05$); коммуникатора, рассказывающего правдивую историю, как уверенного ($U = 274,5, p \leq 0,01$) и устанавливающего стабильный визуальный контакт со слушателем ($U = 214,5, p \leq 0,000$); его речь как медленную ($U = 307,5, p \leq 0,05$) и ровную ($U = 290, p \leq 0,05$), а жестикуляцию как соответствующую рассказу ($U = 245, p \leq 0,01$). В то же время курсанты чаще, чем сотрудники спецслужб, воспринимали правдивые рассказы как нелогичные ($U = 283,5, p \leq 0,01$), не имеющие сюжета ($U = 267, p \leq 0,01$) или неправдоподобные ($U = 360, p \leq 0,05$); коммуникатора как неуверенного в себе ($U = 276,5, p \leq 0,01$), говорящего неровно ($U = 243, p \leq 0,001$), не устанавливающего визуальный контакт ($U = 175,5, p \leq 0,000$) и жестикулирующего не в тakt речи ($U = 227,5, p \leq 0,000$).

При описании ложных рассказов эти различия проявлялись в меньшей степени. В частности, опытные сотрудники чаще воспринимали ложные рассказы как не имеющие сюжета ($U = 309,5, p \leq 0,05$) и нелогичные ($U = 237,5, p \leq 0,001$), а лгущего коммуникатора – как говорящего быстро ($U = 315, p \leq 0,05$) и жестикулиру-

ющего не в тakt речи ($U = 246, p \leq 0,001$). В то же время курсанты тирировали эти рассказы ($U = 276, p \leq 0,01$) и имели сюжет ($U = 308, p \leq 0,05$), мечали наличие визуальных признаков ($U = 246, p \leq 0,001$). Такие «перты» действительно чаще существование в правдивых и ложных сообщениях достаточна надежных и аудиальных признаков; они отмечают и наличие ненадежных показателей, стерегущих с ложью (неритмичную жестикуляцию, контакта и т. д.).

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Данное исследование подтвердило, что профессиональный опыт сотрудника кладывает отпечаток на его способность выявления лжи. Его результаты показывают, что опытные сотрудники ФСБ делают более точные заключения о правдивости сообщений, чем курсанты, а также что навык распознавания лжи является результатом опыта, полученного в процессе выполнения профессиональных задач.

Возникает вопрос: зачем сотрудникам ФСБ в ходе формирования этого навыка возможно объяснение? Доказательностью опыта являются ошибки, совершенные сотрудниками ФСБ. Работа, направленная на исправление ошибок, изменяет ожидания, заставляет его видеть в себе потенциального эксперта. Наше исследование не подтверждает это предположение. Оно показывает, что опытные сотрудники спецслужб и курсанты, чаще считающие коммуникаторов правдивыми и рассказы правдивыми, делают это более точно, чем ложь. Для этого они демонстрируют широкую и глубокую тенденцию к лучшему восприятию правдивых сообщений. Ложь воспринимается как

» в сообщениях нали-
их надежных и реже –
зателей. Надежность
валась по результатам
лований. К числу на-
были отнесены вер-
ые показатели (табл. 1,
надежных – визуаль-
(категории 7–11).

той гипотезы мы срав-
зания «экспертами»
и наличие различных
ральных признаков
не действительно были
ложными. Результаты
т, что опытные сотруд-
курсанты, восприни-
ссказы как детализи-
 $p \leq 0,000$) и имеющие
ет ($U = 315,5, p \leq 0,05$);
сказывающего правди-
веренного ($U = 274,5$,
ивляющего стабиль-
онтакт со слушателем
); его речь как медлен-
0,05) и ровную ($U = 290$,
ияцию как соответству-
= 245, $p \leq 0,01$). В то же
ще, чем сотрудники
нимали правдивые рас-
ые ($U = 283,5, p \leq 0,01$),
та ($U = 267, p \leq 0,01$)
ные ($U = 360, p \leq 0,05$);
неуверенного в себе
(, говорящего неровно
, не устанавливающего
т ($U = 175,5, p \leq 0,000$)
его не в такт речи
).

ложных рассказов эти
ились в меньшей сте-
опытные сотрудники
ложные рассказы как
а ($U = 309,5, p \leq 0,05$)
237,5, $p \leq 0,001$), а лгу-
ра – как говорящего
 $\leq 0,05$) и жестикулиру-

ющегого не в такт речи ($U = 298,5, p \leq 0,05$). В то же время курсанты чаще интерпретировали эти рассказы как логичные ($U = 276, p \leq 0,01$) и имеющие определенный сюжет ($U = 308, p \leq 0,05$) и чаще отмечали наличие визуального контакта ($U = 246, p \leq 0,001$). Таким образом, «эксперты» действительно чаще замечают присутствие в правдивых и ложных сообщениях достаточно надежных вербальных и аудиальных признаков. В то же время они отмечают и наличие в них менее надежных показателей, стереотипно связанных с ложью (неритмичной или быстрой жестикуляции, контакта глаз). Эти результаты частично подтверждают гипотезу 4.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Данное исследование продемонстрировало, что профессиональный опыт на-кладывает отпечаток на точность распознавания лжи. Его результаты показали, что опытные сотрудники ФСБ делают более точные заключения о правдивости и лживости сообщений, чем курсанты Академии, а также что навык распознавания лжи является результатом опыта, позволяющего получить обратную связь о точности своих умозаключений.

Возникает вопрос: за счет чего происходит формирование этого навыка? Первое возможное объяснение связано с подозрительностью опытных сотрудников ФСБ. Работа, направленная на выявление нарушений, изменяет ожидания человека, заставляет его видеть в любом коммуникаторе потенциального лжеца. Однако наше исследование не подтвердило это предположение. Оно показало, что опытные сотрудники спецслужб, так же как и курсанты, чаще считают рассказанные истории правдивыми и распознают правду более точно, чем ложь. Другими словами, они демонстрируют широко распространенную тенденцию к лучшему опознанию правдивых сообщений. Любопытно, что

у сотрудников спецслужб эта тенденция выражена даже сильнее, чем у курсантов. Это говорит о том, что подозрительность является переходным этапом при формировании навыка в распознавании лжи. Вероятно, этим объясняется несоответствие наших результатов данным других исследований, продемонстрировавших большую подозрительность полицейских по сравнению с другими гражданами [11].

Второе объяснение более успешного распознавания правды и лжи опытными сотрудниками спецслужб связано с индикаторами, на которые они ориентируются в ходе этого процесса. Оно гласит, что опытные сотрудники ориентируются на большее количество показателей и отдают предпочтение более надежным индикаторам правды и лжи. Наше исследование подтвердило только первую часть этого предположения. В частности, принимая решение о правдивости или лживости сообщения, «эксперты» ориентируются на такие же показатели, как «новички». Причем при распознавании правдивых сообщений они даже чаще используют ненадежные визуальные и реже – вербальные индикаторы, чем курсанты. В целом, эти результаты соответствуют данным, полученным в зарубежных исследованиях, в соответствии с которыми «эксперты» в распознавании лжи, в том числе сотрудники правоохранительных органов, преувеличивают значение невербального поведения, а также используют неправильные индикаторы [11]. Вероятно, это связано с интересом к популярным книгам по психологии лжи, в которых описываются индикаторы, надежность которых вызывает некоторые сомнения.

Однако ориентация на ненадежные показатели компенсируется формированием более сложного представления о поведении коммуникатора. Так, сотрудники спецслужб, имеющие опыт профессиональной деятельности, объясняя свое решение, используют большее количество показателей, чем курсанты. Другими сло-

вами, у них возникает комплексное представление о рассказчике, которое позволяет им учсть разные аспекты рассказа и, как следствие, адекватно оценить степень его правдивости.

Кроме этого, опытные сотрудники спецслужб точнее интерпретируют поведение рассказчика. Вероятно, наличие практики в распознавании лжи позволяет им сформировать «критерий сравнения», который дает возможность провести более четкую границу между детализированными и недетализированными, логичными и нелогичными рассказами, спокойной, главной и «рваной», быстрой речью. Таким образом, оценивая правдивые и ложные истории, они чаще замечают в них наличие надежных индикаторов. Вместе с тем они чаще говорят о присутствии и менее надежных признаков, которые, тем не менее, соответствуют их представлениям (контакт глаз, жестикуляция, уверенность в себе). Это означает, что сформированность «критерия сравнения» увеличивает точность распознавания лжи только при наличии комплексного представления о коммуникаторе, в котором разные признаки имеют разный «вес».

Кроме того, эти результаты ставят вопрос о том, насколько хорошо курсанты и опытные сотрудники спецслужб осознают показатели, использующиеся ими в ходе распознавания лжи. Таким образом, дальнейшее изучение роли профессионального опыта в распознавании лживых и правдивых сообщений требует применения психофизиологических методов регистрации данных (например, движения глаз), которые дадут более полное представление о том, как люди анализируют визуальные индикаторы лжи.

1. Bond Jr.C.F., DePaulo B.M. Accuracy of deception judgments // Personal. and Soc. Psychol. Rev. V. 10. P. 214–234.
2. Burgoon J.K., Buller D.B., Floyd K. Does participation affect deception success? // Human Communication Research. 2001. V. 27. P. 503–534.

3. Burgoon J.K. et al. The role of conversational involvement in deceptive interpersonal interactions / J.K. Burgoon, D.B. Buller, C.H. White, W. Aileen, A.L.S. Buslig // Pers. and Soc. Psychol. Bull. 1999. V. 25. P. 669–686.
4. Burgoon J.K., Qin T. The dynamic nature of deceptive verbal communication // J. of Language and Soc. Psychol. 2006. V. 25. P. 76–96.
5. Forrest J.A., Feldman R.S. Detecting deception and judge's involvement: Lower task involvement leads to better lie detection // Pers. and Soc. Psychol. Bull. 2000. V. 26. P. 118–125.
6. Gordon R.A. et al. Expectations of honest, evasive, and deceptive nonverbal behavior / R.A. Gordon, J.C. Baxter, R.M. Rozelle, D. Druckman // J. Soc. Psychol. 1987. V. 127. P. 231–233.
7. Granhag P.A. et al. Imprisoned knowledge: Criminals' beliefs about deception / P.A. Granhag, L.O. Andersson, L.A. Strömwall, M. Hartwig // Legal and Criminological Psychol. 2004. V. 9. P. 103–119.
8. Hartwig M. et al. Suspicious minds: Criminals' ability to detect deception / M. Hartwig, P.A. Granhag, L.A. Strömwall, L.O. Andersson // Psychology, Crime & Law. 2004. N 10. P. 83–95.
9. Mann S., Vrij A., Bull R. Telling and detecting true-lies // Czerederecka A., Jaskiewicz-Obydzinska T., Cikiewicz J.W. (eds). Forensic psychology and law: Traditional questions and new ideas. Krakow: Krakow University, 2000. P. 221–226.
10. O'Sullivan M. The fundamental attribution error in detecting deception: The boy-who-cried-wolf effect // Pers. and Soc. Psychol. Bull. 2003. V. 29. P. 1316–1327.
11. Vrij A. Nonverbal dominance versus verbal accuracy in lie detection. A plea to change police practice // Criminal Justice and Behavior. 2008. V. 35. P. 1323–1336.
12. Vrij A. et al. Detecting deceit via analysis of verbal and nonverbal behavior in children and adults / A. Vrij, L. Akhurst, S. Soukara, R. Bull // Human Communication Research. 2004. V. 30. P. 8–41.
13. Vrij A., Edward K., Bull R. Stereotypical verbal and nonverbal responses while deceiving others // Pers. and Soc. Psychol. Bull. 2001. V. 27. P. 899–909.
14. Vrij A., Mann S., Edward K. I think it was a green scarf but I am not sure. Raising doubts about one's own testimony during lying and truth telling // Czerederecka A., Jaskiewicz-Obydzinska T., Cikiewicz J.W. (eds). Forensic psychology and law: Traditional questions and new ideas. Krakow: Krakow University, 2000. P. 205–208.

Поступила в редакцию 14.VI 2011 г.

ПРОБЛЕМА С ОБЩИХ СП

Ю.В.

Приводится теоретич-
го подхода к изучению
кreativnosti и способо-
в частности, что фак-
ниями показателей с
в большей степени от-
жении жизни.

Ключевые слова:
альный интеллект, спо-

Понимание сущно-
и закономерностей дина-
сбностей, а также проб-
онализации и измерени-
метом изучения широко-
исследований.

В психологи обще-
диционно рассматриваю-
более общие формы опер-
в любых видах деяельно-
тение, 2) применение и З-
[2], [4], [10]. Выделяется
способностей человека:
способности [10], или ин-
способность решать за-
применения имеющихся
вергентные способности
тивность, — способность
знания с участием вооб-
зии, 3) обучаемость [4],
к обучению [20], — спосо-
тать знания. В зарубежных
все более активно изучае-
мостоятельная группа сп-
лизующаяся в условиях
взаимодействия и кон-

Работа выполнена при фин-
ственной поддержки научных ис-
ватательных учреждениях высшего